

ПОДГОТОВКА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОСТОКОВЕДОВ И РУССКО-АРАБСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

DOI: 10.25629/НС.2019.07.03

Смирнова Е.В.

Институт востоковедения РАН

Россия, Москва

Аннотация. В статье прослеживается взаимосвязь между процессом становления отечественного востоковедного образования и развитием русско-арабских гуманитарных связей. В начале XIX в. русское правительство нуждалось в переводчиках-востоковедах, необходимых для реализации политических целей, а также налаживания контактов с мусульманскими народами. Приглашенные в российские университеты Х.Д. Френ, Ж.Ф. Деманж преподавали арабский язык, опираясь на грамматико-переводной метод, не способствовавший развитию у студентов коммуникативных навыков. Отсутствие в Учебном отделении МИД практического курса арабского языка и некоторых других языков, употребляемых в Леванте, не позволяло подготовить квалифицированных переводчиков для службы на Ближнем Востоке. Качественные изменения в подготовку российских востоковедов внесли О.И. Сенковский и А.К. Казем-Бек, которые преподавали арабский язык по западной и восточной системам и были инициаторами научных командировок на Ближний Восток. Преподавание разговорного арабского языка усилилось благодаря шейху Тантави, ученики которого успешно служили дипломатами на Арабском Востоке. По мере улучшения теоретической и практической подготовки отечественных востоковедов русско-арабская коммуникация становилась эффективней.

Ключевые слова: история российского востоковедения, языковая подготовка, русско-арабские культурные связи.

Введение

В XIX веке русско-арабские контакты стали не только интенсивнее, но и содержательнее, и если первое было связано с ближневосточной политикой России, то второе – с развитием отечественного востоковедения и преподаванием арабского языка в российских вузах. И сейчас эффективное сотрудничество России со странами Востока во многом зависит от качества подготовки востоковедных кадров, которая в XIX веке отличалась фундаментальностью. Изучение сведений, содержащихся в трудах В.В. Григорьева, П.С. Савельева, И.Ю. Крачковского, Н.А. Мазитовой, Е.В. Воеводы и других авторов, а также материалах Архива внешней политики Российской империи, позволяет выяснить каким образом качественные изменения в системе отечественного востоковедного образования влияли на рост русско-арабского коммуникативного потенциала.

Политический контекст

В начале XIX века интерес России к Ближнему Востоку существенно вырос, что было обусловлено внешне- и внутривнутриполитическими факторами. В условиях сложных взаимоотношений с Османской империей и Персией, присоединения новых территорий на юге и юго-востоке русские власти нуждались в переводчиках, способных наладить контакты с мусульманскими народами.

В этот период острая нехватка переводчиков с восточных языков ощущалась Министерством иностранных дел, которое должно было снабдить дипломатическими кадрами миссии на Востоке, а также местными властями некоторых российских областей. По традиции, сложившейся в постордынский период, переводчиками с восточных языков в России часто выступали местные мусульмане. Однако в условиях конфронтации с соседними исламскими государствами русское правительство не всегда доверяло им, так как они могли симпатизировать единоверцам за границей. Ситуация осложнялась и тем, что при русских миссиях в Турции и вообще на Ближнем Востоке драгоманами были иностранцы, «большую частью подданные

Порты Оттоманской» [1, л. 9], которые могли одновременно служить в дипломатических представительствах различных европейских держав. Сложившаяся ситуация заставила русское правительство серьезно задуматься над постановкой востоковедного образования в России.

Европейские востоковеды в российских университетах

В ходе реформ в системе просвещения Российская империя была разделена на шесть учебных округов, во главе которых стояли университеты. Каждому из них надлежало иметь отделение словесных наук с кафедрой восточных языков, преподавание которых было введено университетским уставом в 1804 г. [14, с. 73]. Поскольку своих ученых ориенталистов в России тогда не было, их приглашали из Европы. Одним из первых в Россию приехал выпускник Ростовского университета семитолог Х.Д. Френ, переговоры с которым российские чиновники вели с 1803 года. В 1807 г. он прибыл в Казань и приступил к преподаванию арабского языка сначала в гимназии, а затем в университете в должности ординарного профессора. Подобно другим немецким ученым, Х.Д. Френ читал лекции на латыни, что при нехватке учебных пособий весьма осложняло восприятие материала. Вследствие этого на его курсе вскоре осталось лишь несколько студентов.

В Петербурге арабский, персидский, а затем и турецкий языки с 1817 г. преподавали французы, ученики Сильвестра де Саси Ф.Б. Шармуа и Ж.Ф. Деманж, приглашенные по инициативе графа С.С. Уварова [3, л. 81]. В отличие от Х.Д. Френа, они читали лекции на французском языке, который был практически родным для русского дворянства. Существенно облегчали процесс преподавания арабская грамматика и хрестоматия Сильвестра де Саси, которые Ж.Ф. Деманж использовал в качестве дидактических материалов. Несмотря на то, что европейские ученые в России преподавали на разных языках, их педагогические методы были схожи, что объяснялось их востоковедным образованием. Как Х.Д. Френ, так и его французские коллеги изучали восточные языки под руководством известных европейских ориенталистов, которые были кабинетными учеными. До приезда в Россию они не бывали в восточных станах, не владели разговорными языками их народов. Однако Х.Д. Френ в отличие от Ф.Б. Шармуа и Ж.Ф. Деманжа на собственном опыте убедился какое значение для подготовки востоковедов и их профессионального роста имеет живое общение с Востоком. Именно в Казани, по выражению И.Ю. Крачковского, он «превратился из обычного на Западе семитолога-экзаггета... в первоклассного арабиста...» [14, с. 76].

В Московском университете арабский язык с 1811 г. преподавал другой ученик Сильвестра де Саси А.В. Болдырев. Его пригласили занять кафедру восточных языков, поскольку в Россию не приехал немецкий востоковед Т.Х. Тихсен. Подобно своим европейским коллегам А.В. Болдырев получил востоковедное образование в Париже и Геттингене. Однако его занятия со студентами были эффективнее, поскольку он преподавал на русском языке по составленным им (на основе пособий де Саси) арабской грамматике и хрестоматии, по которым училось несколько поколений отечественных востоковедов. Тем не менее обучение восточным языкам исключительно теоретическими методами не принесло желаемых результатов. К началу 20-х гг. российским университетам так и не удалось подготовить востоковедов-практиков, необходимых российскому государству.

Подготовка арабистов в Учебном отделении восточных языков

В сложившихся обстоятельствах в российских верхах возникла идея создать специализированное учебное заведение, ориентированное на подготовку переводчиков для дипломатической службы на Востоке [2, л. 6].

Этим заведением стало Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД (далее – УОВЯ), созданное в 1823 г. В студенты УОВЯ зачислялись православные молодые люди, имеющие высшее (но не всегда востоковедное) образование, знакомые с французским языком. Главными дисциплинами являлись арабский, персидский и турецкий языки, обучать которым должны были «просвещенные туземцы» Востока. Поскольку найти восточных ученых, способных преподавать на европейских языках, было не просто, в УОВЯ пригласили Ф.Б. Шармуа и Ж.Ф. Деманжа, покинувших университет в 1822 году.

Несмотря на то, что новое учебное заведение обладало своей спецификой, в преподавании французских профессоров по-прежнему господствовал грамматико-переводной метод, который «не обеспечивал развития элементарных навыков устной речи и аудирования» [9, с. 153]. Программа Ж.Ф. Деманжа, читавшего курс по арабскому языку, была ориентирована на перевод классических текстов: сур Корана, текстов из арабской хрестоматии де Саси, «Калилы и Димны» и др. [4, л. 86]. В следствие этого методы преподавания французских ориенталистов не раз критиковались отечественными востоковедами и чиновниками. Так, попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий писал в 1825 г.: «Мы, имея в своем распоряжении природных учителей для восточной словесности, особенно в Казани и Астрахани... выписываем за дорогую цену учеников де Саси из Парижа... Иностранцы, выучившиеся восточным языкам по книгам, не только говорить, но и основательно учить разбирать даже рукописи не могут» [16, с. 49]. Подобное утверждение могло быть справедливым, если касалось дипломатической переписки. К примеру, язык записок, приходивших в российские консульства на Ближнем Востоке, нередко представлял собой смешение литературного арабского языка, местных диалектов и включал долю османизмов. Вследствие этого европейские ориенталисты вряд ли могли научить читать подобные рукописи, написанные к тому же разными каллиграфическими почерками. Решить эту проблему отчасти удавалось на занятиях азербайджанца М.Д. Топчибашева, который преподавал в УОВЯ арабскую, персидскую и турецкую каллиграфии, переводил со студентами султанские фирманы [4, л. 82], приучая их к «дипломатическому слогу». Кроме того, М.Д. Топчибашев вел в УОВЯ практические занятия по персидскому языку. Его коллегой, преподававшим разговорный турецкий язык, был константинопольский грек Чорбаджи Оглу. Лектор арабского языка в Учебном отделении долгое время отсутствовал, а Ж.Ф. Деманж не мог самостоятельно обеспечить студентам разговорную практику. Известный арабист П.С. Савельев, обучавшийся в свое время в УОВЯ, писал, что большинство европейцев, изучавших этот язык только в кабинете, произносят арабские звуки так, что их ни один араб не поймет. К примеру, Ж.Ф. Деманж «произносил гортанные арабские буквы с парижским акцентом» [17, XLII].

Вследствие этого выпускники УОВЯ оказывались не готовы к восприятию живой арабской речи. Подготовку переводчиков для работы на Ближнем Востоке осложняли и другие факторы. Студенты, поступавшие в Учебное отделение, не всегда имели востоковедное образование и не успевали за три года освоить несколько восточных языков и получить необходимые теоретические знания. Из европейских языков, наиболее распространенных в Леванте (французский, новогреческий и итальянский), в УОВЯ долгое время преподавался только французский. Между тем для поддержания связей с восточными патриархатами, что было важной составляющей российской внешней политики, дипломаты должны были знать греческий язык. Вероятно, поэтому среди русских консулов и вице-консулов на Ближнем Востоке в первой половине XIX века было немало этнических греков. В отличие от университетов, УОВЯ регулярно организовывало учебную практику для своих лучших выпускников. Восточные языки (прежде всего турецкий) начинающие дипломаты продолжали изучать при русской миссии в Константинополе под руководством переводчиков и местных учителей. При этом арабистическая подготовка студентов УОВЯ оставалась довольно слабой. Об этом свидетельствует тот факт, что в первые двадцать лет существования этого заведения его выпускники служили дипломатами в основном в Турции и Персии.

Новые подходы к обучению восточным языкам

Качественные изменения в теоретической и практической подготовке востоковедов произошли во второй четверти XIX века, что связано с преподавательской деятельностью О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека. Оба они получили нестандартное образование для ориенталистов того времени. Так О.И. Сенковский, оставив учебу в Виленском университете, отправился в Сирию и Ливан, где полгода занимался арабским языком под руководством бывшего профессора Венской академии восточных языков маронита Антона Арыды [17, XXVII]. Постоянно общаясь с арабскими семинаристами, с которыми вместе учился, а также местными жителями, он в совершенстве овладел сиро-ливанским диалектом, так что в Египте его прини-

мали за сирийца. Из путешествия по Ближнему Востоку О.И. Сенковский вернулся в сопровождении мальтийского араба [17, XLVII], который оставался у него во служении и беседовал с ним на арабском языке. После двух лет пребывания на Востоке (1819 – 1821) уровень востоковедных знаний О.И. Сенковского был таков, что в Петербургском университете ему предложили занять кафедру арабской словесности сразу в должности ординарного профессора.

Качественно иную, но весьма основательную востоковедную подготовку получил азербайджанец Александр Касимович Казем-Бек, который преподавал восточные языки в Казанском университете с 1826 г. Его отцом был шейх-ул-ислям¹ Дербента, который старался воспитать из сына своего преемника и дал ему блестящее мусульманское образование. Турецкий и персидский языки А.К. Казем-Бек выучил дома, арабский – с учителями. Мусульманские науки ему преподавал ученый шейх из Бахрейна, приглашенный в Дербент его отцом. После переезда в Астрахань А.К. Казем-Бек встретился с шотландскими миссионерами, благодаря которым хорошо освоил английский язык, а впоследствии принял протестантизм. Знание европейского языка позволило ему познакомиться с западной наукой, что способствовало его успешной карьере в Университете. Не менее значимой была и «мусульманская подготовка» А.К. Казем-Бека, которая, по словам И.Н. Березина, несмотря на схоластический метод преподавания, принесла ему большую известность в европейском научном мире [16, с. 165].

Несмотря на разницу в образовании, этническом происхождении и религиозной принадлежности у О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека было много общего, что отличало их от других востоковедов в России. Они были знакомы не только с европейской научной традицией, но и знали реалии мусульманского мира, в совершенстве владели его языками, а кроме того, преподавали на русском языке. Это позволило им добиться больших успехов в научно-исследовательской и педагогической деятельности.

С появлением О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека в российских университетах существенно изменился методологический подход к преподаванию восточных языков. В отличие от своих европейских коллег, российские ученые применяли синтетический метод, основанный в том числе на использовании дидактических материалов Запада и Востока. Так, О.И. Сенковский занимался со своими студентами не только по грамматике де Саси, но и преподавал по системе своего арабского учителя А. Арыды и арабским грамматикам ал-Алфийя или Ибн Фархата. Кроме того, он объяснял и комментировал по-арабски литературные и исторические арабские сочинения, знакомил слушателей с историей и географией Ближнего Востока, местной культурой и бытом [10, с. 75]. Особое внимание О.И. Сенковский уделял постановке правильного произношения и изучению восточных почерков. Схожими педагогическими методами пользовался и А.К. Казем-Бек. Согласно разработанному им в 1836 г. плану, который, по словам О.И. Сенковского, соединял лучшее из методов обучения Востока и Запада, арабский и другие восточные языки преподавались в Казанской гимназии более 15 лет. Несомненно, что О.И. Сенковский и А.К. Казем-Бек были педагогами-новаторами, которые не только преподавали восточные языки в теоретическом и практическом аспектах, но и способствовали расширению научных контактов своих студентов со странами Востока.

Новые подходы в подготовке востоковедов были зафиксированы в 1832 г. в Проекте отделения восточных языков при Санкт-Петербургском университете, одним из составителей которого был О.И. Сенковский. Наряду с фундаментальной теоретической подготовкой студентов-восточников, которая включала изучение западных и восточных языков, всеобщую историю и географию, литературу, статистику Востока, мусульманское право, подчеркивалась необходимость практических занятий с «природными азиатцами», в том числе и арабами. Для магистров признавались необходимыми командировки в страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. При этом Университету надлежало снабжать их особыми научными инструкциями [7, л. 20]. Несмотря на то, что проект тогда не был реализован, некоторые его пункты постепенно входили в университетскую практику.

Научные командировки на Ближний Восток и русско-арабские контакты

Именно ученики О.И. Сенковского и А.К. Казем-Бека впервые посетили Ближний Восток с научными целями. Так, в 1832 г. в путешествие по Османской империи отправились бывшие студенты О.И. Сенковского в С.-Петербургском университете и выпускники Учебного отделения МИД А.Н. Гусев и А.О. Мухлинский. Поскольку университеты ранее не отправляли своих выпускников на Ближний Восток, организация подобной командировки потребовала скоординированных усилий Министерства народного просвещения и Министерства иностранных дел. Первое должно было определить научные цели, второе – способствовать их выполнению посредством консульской сети.

Вначале путешествие А.О. Мухлинского и А.Н. Гусева шло по стандартной для Учебного отделения программе. Около года они изучали турецкий, арабский и персидский языки при русской миссии в Константинополе под руководством ученых-турок [11, с. 15], а также араба-христианина из Алеппо. Однако достичь приметных успехов в изучении арабского языка им так и не удалось. В связи этим, получив разрешение от Министерства иностранных дел, они отправились в Сирию и Египет. По пути в Александрию А.О. Мухлинский и А.Н. Гусев много общались с сирийцами, от которых узнали о социально-политических процессах, происходивших в стране, а также об их отношении к России. Так, по словам А.Н. Гусева, после заключения Ункяр-Искелесийского договора сирийские мусульмане, которые прежде «считали русских смертельными своими врагами», теперь надеялись, что они помогут им избавиться от власти Ибрагим-паши [6, л. 141]. К сожалению, вскоре после прибытия в Каир, в 1835 г. А.Н. Гусев скончался от чумы. А.О. Мухлинский пробыл в Египте около года. При этом полгода он занимался арабским языком с каирскими учеными. За время пребывания на Востоке А.О. Мухлинский усовершенствовал свои знания не только в турецком, арабском и новогреческом языках [11, с. 18], но и познакомился с религией и культурой ближневосточных народов, приобрел ценные книги и рукописи. По возвращению в Петербург в 1836 г. он был назначен адъюнктом на кафедре арабской словесности Петербургского университета. Как и его старший коллега О.И. Сенковский, А.О. Мухлинский преподавал арабский язык с использованием восточных грамматик.

Помимо А.О. Мухлинского и А.Н. Гусева, на Ближнем Востоке в первой половине XIX века побывали ученики А.К. Казем-Бека В.Ф. Диттель и И.Н. Березин, которые были командированы Казанским университетом в 1842 г. Согласно научному плану, составленному для них А.К. Казем-Бек, они должны были провести десять месяцев в Персии, восемь – в арабских странах, и около года – в Турции. Кроме того, в плане указывались места, которые следовало посетить, маршруты, сроки переездов, а также научные цели. Во всех городах, где магистры должны были останавливаться на продолжительное время, А.К. Казем-Бек рекомендовал посещать лекции мударрисов² известнейших восточных школ, знакомиться с учениками этих заведений и вступать с ними в рассуждения о различных ученых предметах (за исключением религии и политики), что «послужит молодым ориенталистам скорейшим средством к изучению языков, ознакомлению себя с новым методом преподаваний и занятий» [13, с. 31]. Вместе с тем А.К. Казем-Бек, продолжавший поддерживать живые связи с мусульманским Востоком, привел список медресе, академий и библиотек, которые магистрам следовало посетить в Османской империи, а также снабдил их рекомендательными письмами к местным влиятельным особам в Константинополе, Каире и других городах. Особо в плане подчеркивалось, что русские путешественники должны были вести себя скромно и вежливо, не выказывать неуважения к обычаям и религиям других народов. Несмотря на то, что магистрам приходилось вносить коррективы в план своего наставника в связи с изменением погодных условий и политической ситуации, они старались выполнять его рекомендации относительно научного обмена: посещали медресе, брали уроки каллиграфии у местных ученых и читали с ними трудные рукописи [8, с. 9]. Наиболее плодотворно у магистров сложились контакты с арабами в Каире, где они провели два с половиной месяца. В.Ф. Диттель отмечал, что знакомство с египетскими учеными, о которых он отзывался весьма лестно, принесло ему большую пользу в занятиях [12, с. 26]. Помимо арабского языка, магистры изучали обычаи и нравы местных жи-

телей, для чего В.Ф. Диттель в период Рамадана принимал участие в собраниях местных мусульман, слушал арабских рассказчиков и чтецов [12, с. 27]. Кроме Египта, за три года путешествия магистры побывали в Сирии, Палестине, Ираке, Турции, Иране, основательно изучили культуру местных народов, их языки и диалекты: в том числе иракский, сиро-ливанский, и египетский. После возвращения в Россию И.Н. Березину предложили занять кафедру турецко-татарского языка в Казанском университете, а В.Ф. Диттель был назначен экстраординарным профессором на кафедру арабской словесности в университете Санкт-Петербурга.

Восточные ученые и языковая практика в российских вузах

Во второй четверти XIX века подготовка отечественных востоковедов улучшилась не только в университетах, но и Учебном отделении МИД, которое стремилось усилить практическую сторону преподавания восточных языков за счет привлечения лекторов. По этническому составу лекторы, преподававшие в российских вузах языки мусульманского Востока, были татарами, азербайджанцами, персами, греками и армянами. В основном они были подданными Российской империи или тесно связаны с ней в культурном и религиозном отношении. В лекторах-арабах российские учебные заведения долгое время не нуждались, поскольку Арабский Восток обладал для России меньшим стратегическим значением по сравнению с Турцией и Персией.

Между тем в 1830-е гг. сферу российских внешнеполитических интересов включились Сирия и Египет, что связано с турецко-египетскими кризисами и подписанием Ункяр-Искелесийского договора. Именно в Египте – центре арабской учености того времени, министр иностранных дел К.В. Нессельроде поручил найти для УОВЯ первого преподавателя-араба. Поиск лекторов для Учебного отделения традиционно поручался министерством старшим драгоманам при русских посольствах в Персии и Османской империи [3, л. 115]. В 1830-е гг. переводчиками в Каире служили выпускники УОВЯ Н. Мухин и Р. Френ, которые изучали арабский язык у преподавателя ал-Азхара шейха Мухаммеда Айяда ат-Тантави [15, с. 30] – известного в местных мусульманских и европейских научных кругах. Во многом благодаря деятельному участию своих русских учеников ат-Тантави в 1840 г. оказался в России. По случаю прибытия египетского ученого, «вызванного по высочайшему повелению из Египта для преподавания Арабской словесности» в Учебном отделении сочли «бесполезным удерживать... профессора Ж.Ф. Деманжа» [5, л. 67], который в 1840 г. написал прошение об увольнении со службы, уступив свое место ат-Тантави³. С началом преподавания египетского шейха в УОВЯ в программу арабского языка были внесены качественные изменения. Как носитель арабского языка и знаток арабской литературы, ат-Тантави совершенно иначе преподносил учебный материал. Он изучал со студентами незнакомые им литературные произведения, объяснял грамматику по арабской системе, учил каллиграфии, разбирал трудные рукописи, знакомил их с египетским диалектом. Введение практических занятий по арабскому языку положительно отразилось на подготовке переводчиков и дипломатов. Об этом можно судить по спискам выпускников Учебного отделения и сведениям об их службе на Востоке. Так первым русским генеральным консулом в Бейруте, имевшим востоковедное образование, был ученик ат-Тантави Н. Мухин. У шейха Тантави обучался и генеральный консул в Александрии А. Лаговский. За время преподавания египетского ученого в российской столице существенно выросло количество русских переводчиков и секретарей, служивших на Ближнем Востоке. Среди них были Д. Арбузов, И. Банщиков, А. Сученко, Н. Иванов, В. Бланк и др. [2, л. 45 – 47] После того, как О.И. Сенковский в 1847 г. оставил кафедру в университете, на его место пригласили шейха ат-Тантави, который к тому времени приобрел солидный педагогический опыт и освоил русский язык (сначала он преподавал на французском). В университете ат-Тантави читал лекции на старших курсах. На младших преподавал В.Ф. Диттель, а затем А.К. Казем-Бек, который в 1849 г. был переведен из Казани. Уже после закрытия Восточного разряда в Казанском университете в Санкт-Петербург были переведены И.Н. Березин, а также Ахмед ибн Хусейн из Мекки, преподававший разговорный арабский язык. Усилиями российских востоковедов, а также ученых и лекторов-арабов была подготовлена плеяда отечественных ученых и дипломатов-арабистов.

Заключение

Таким образом, российские власти, заинтересованные в налаживании контактов с мусульманскими народами, активно содействовали развитию востоковедения. С приходом в российские учебные заведения О.И. Сенковского и А.К. Казем-бека, Мирзы Топчибашева и шейха ат-Тантави качественно улучшились методы теоретической и, особенно, практической подготовки отечественных востоковедов. Этому же способствовали и учебные командировки, организованные УОВЯ и российскими университетами. Находясь на Ближнем Востоке, русские ученые и дипломаты повышали уровень межкультурной компетентности (включающей знание языка, религии, традиций и обычаев местного населения). Приобретенные знания позволили им наладить коммуникацию с жителями Ближнего Востока, а также добиться успехов в научной, педагогической и дипломатической деятельности, что отразилось на развитии русско-арабских отношений во второй половине XIX века.

Примечания

¹ Шейх-ул-ислам – почетный титул мусульманских теологов и законовевдов.

² Мударрис – учитель (в пер. с арабского).

³ В трудах по истории отечественного востоковедения нередко указывается, что шейха Тантави пригласили преподавать в Петербург после того, как Ж.Ф. Деманж скончался. При этом годом смерти французского профессора называется 1839 г.

Литература

1. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 94.
2. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 97.
3. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 101.
4. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 102. ч. 5.
5. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 107.
6. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 111.
7. АВПРИ, ф. 153. оп. 668. д. 118.
8. Березин И. Обзор трехлетнего путешествия по Востоку Магистра Казанского Университета И. Березина // Из журнала Министерства народного просвещения. 1847. № 7. 23 с.
9. Воевода Е.В. История языковой подготовки кадров для внешнеполитических учреждений российского государства. М.: Изд-во МГИМО – Университет, 2016. 256 с.
10. Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1870. 432 с.
11. Дерягина Т.П., Фролова О.Б. Арабские рукописи из коллекции Антония Мухлинского в Библиотеке Санкт-Петербургского университета // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. СПб., 1998. Вып. 3. С. 13-22
12. Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку магистра Виллиама Диттеля // Из журнала Министерства народного просвещения. 1847. № 10. 31 с.
13. Казембек М. План ученого путешествия по Востоку магистров Казанского Университета Диттеля и Березина. Казань: Университетская типография, 1841. 38 с.
14. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: АН СССР, 1950. 299 с.
15. Крачковский. И.Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810 – 1861). Л.: АН СССР 1929. 134 с.
16. Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. 225 с.
17. Савельев П. О жизни и трудах О.И. Сенковского / Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса) в 9 т. Т. 1. СПб.: типография Императорской Академии наук, 1858. 663 с.

Смирнова Екатерина Викторовна. E-mail: ekaterinasmirnova84@gmail.com

Дата поступления: 14.06.2019

Дата принятия к публикации 10.07.2019

**TRAINING OF RUSSIAN EXPERTS IN ORIENTAL STUDIES AND RUSSIAN – ARAB
RELATIONSHIP IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

DOI: 10.25629/HC.2019.07.03

Smirnova E.V.

Institute of Oriental Studies of RAS

Russia, Moscow

Abstract. Relying on archival data and other resources the author explores in the articles the history of Russian Oriental education standards which contributed to the development of Russian–Arab relationship. Early in the nineteenth century the Russian government was in urgent need of interpreters from oriental languages in the course of implementing certain political tasks as well as establishing ties with Islamic Nations. Visiting professors C.M. Frahn and J.F. Demange taught the Arabic language in Russian Universities with the programme designed to develop grammatical and translation knowledge which did not give impetus to developing communicative skills. In the absence of practical course of the Arabic language as well as some other Levantine languages within the framework of the Foreign office Education Department it was highly unlikely to prepare qualified interpreters to cope with specific requirements of service in the Middle East. It was O.I. Senkovsky and A.K. Kazem-Bek who radically changed educating Russian Oriental researchers. They used both Western and Eastern approaches to teaching the Arabic language. Moreover, they introduced research scientific training and overseas immersion in the countries of the Middle East. Further progress of communicative language education took place due to activities of sheik Tantawi whose pupils became successful diplomats in the Arab World. Together with advancement of both academic and practical training of home-grown experts in Oriental Studies Russian–Arab links were on the rise as well.

Key words: history of Russian Oriental Studies, language training, Russian–Arab cultural links.

Smirnova Ekaterina Viktorovna. E-mail: ekaterinasmirnova84@gmail.com

Date of receipt 14.06.2019

Date of acceptance 10.07.2019